

Н.Е. ТИХОНОВА

Стратификация по доходу в России: специфика модели и вектор изменений. Статья 1*

В статье, являющейся частью блока из двух статей, на основе данных ряда общероссийских опросов 1999–2016 гг. проведен анализ особенностей и динамики моделей доходной и субъективной стратификации российского общества. Показано, что существующая модель доходной стратификации характеризуется доминированием средних слоев и достаточно адекватно отражается в сознании населения, если судить об этом на основе самооощущения людьми своего места в обществе. Начавшийся в 2014 г. экономический кризис пока ничего всерьез не поменял ни в самой модели доходной стратификации, ни в ощущении россиянами своего места в обществе. Что же касается методологических, а не содержательных выводов статьи, то в ней показано, что оптимальные для России методики построения моделей доходной стратификации следует искать среди относительных методов, используемых в развитых странах, а не абсолютных, как это принято для развивающихся стран. Кроме того, учитывая региональную неоднородность России в плане продвижения по пути модернизации, при анализе социальной структуры российского общества целесообразнее использовать агрегированные модели стратификации по доходам, построенные на основе предварительной стратификации региональных сообществ, нежели модели, в основе которых лежат средние для страны в целом показатели.

Ключевые слова: социальная структура, стратификация, влияние кризиса, доходы, субъективная стратификация, социальный статус.

Социальную структуру общества можно анализировать под разными углами зрения. Можно выделять его классовую структуру, анализировать составляющие его стилевые группы, строить модели доходной стратификации, рассматривать профессиональную структуру и т.д. Однако, поскольку в условиях затяжного экономического кризиса и длительного падения реальных доходов населения остро встает вопрос об изменениях в модели доходной стратификации российского общества, то именно на этой версии анализа социальной структуры современной России я и остановлюсь.

Почему так важно правильно представлять себе ситуацию с доходной стратификацией нашего общества? Прежде всего, конечно, потому, что именно она позволяет

* Статья подготовлена в рамках работы над проектом № 16-23-21001 «Сравнительный анализ среднедоходных групп в России и Китае», выполняемом при поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

Тихонова Наталья Евгеньевна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Центра стратификационных исследований Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Москва, 101000, Мясницкая ул., д. 20; главный научный сотрудник Института социологии РАН. Адрес: 109544, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, стр. 5. E-mail: ntihonova@hse.ru

лучше понять, по каким слоям относительно сильнее ударил экономический кризис, кто в первую очередь нуждается в помощи и в какой именно, где могут возникнуть протестные настроения и т.д. Но главные проблемы в области доходной стратификации, если говорить о ней не столько в прикладном, сколько в теоретическом плане, заключаются в том, сложилась ли уже в России ее устойчивая модель, приводит ли длительное падение реальных доходов населения к ее изменению и как эта модель воспринимается гражданами страны.

Начну, однако, с того, что, на первый взгляд, доходная стратификация относится к числу простых и хорошо изученных видов стратифицирования общества. Более того — данные по структуре российского общества с точки зрения доходов населения регулярно публикуются ФСГС РФ. В числе наиболее известных из публикуемых статистической службой страны данных о доходной стратификации сведения о средних и медианных доходах населения, о численности разных доходных групп, численности населения с доходами ниже прожиточного минимума и т.д. Однако в своих расчетах им используется процедура дооценок, которая всегда вызывает вопросы. В частности, многие публикуемые ею данные о доходах россиян представляются завышенными. Так, согласно им, среднедушевые ежемесячные доходы в 2015 г. достигли 30 448,1 руб. на человека, а медианный их уровень составлял 22 729,0 руб.¹ В то же время, по данным социологических исследований, проводившихся различными социологическими центрами в 2015 г.², как о медианных можно было говорить в тот момент скорее о доходах порядка 14 тыс. руб., чем 22 тыс. руб., а как о средних — как о сумме порядка 16–16,5 тыс. руб.

Сомневаться в расчетах ФСГС РФ заставляют не только масштабы расхождений ее данных с данными ведущих социологических центров, но и ряд связанных с ними технических моментов. Так, верхние 3–5% населения в социологические опросы, как известно, не попадают, и верхний доходный дециль представлен в них непропорционально своей реальной численности. Это должно заметно сказываться на показателях среднедушевых доходов, но на показателях медианных доходов это должно сказаться мало — погрешность может составлять порядка 3%, то есть реальная медиана должна проходить примерно на 53–55% выборки. Более того, отсутствие в массовых социологических опросах бомжей, бродяг, заключенных, солдат и т.п. предполагает по крайней мере частичную компенсацию отсутствия в выборках верхних 1–2% и непропорциональное представительство верхнего дециля с точки зрения определения медианного дохода, что снижает этот показатель до 50–52%. Однако даже на 55% распределения уровень среднедушевых ежемесячных доходов составлял в октябре 2015 г., судя по данным социологических исследований, всего 15 тыс. руб.

Кроме того, в отличие от социологов, в своих расчетах средних доходов ФСГС РФ учитывает доходы всех богатейших людей страны, а значит, средние доходы в ее расчетах должны гораздо значительнее превышать медианные доходы, чем можно ожидать от социологических исследований. Однако показатели средних и медианных доходов за 2015 г. у ФСГС РФ различаются между собой в 1,34 раза, а в социологических опросах — в 1,15 раза (в 2014 г. этот разрыв был еще меньше — 1,3 и 1,2 раза, соответственно). Такой маленький разрыв данных показателей кажется по меньшей мере странным и связан, скорее, с завышением статистической службой страны медианных доходов, чем с занижением средних.

¹ См. таблицы “Средний, медианный и модальный уровень денежных доходов населения в целом по России и по субъектам Российской Федерации за 2014 год)” и “Средний, медианный и модальный уровень денежных доходов населения в целом по России и по субъектам Российской Федерации за 2015 год)”.

² Эмпирической базой исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, выступили две “линейки” массивов данных. Это, во-первых, несколько волн Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ), а во-вторых, данные ряда исследований рабочей группы Института социологии РАН, выполненных в разные годы под руководством М. Горшкова.

Доля населения, имеющего денежные доходы ниже границ, установленных на основании фактического уровня денежных доходов населения (среднедушевого и медианного), а также величины прожиточного минимума (2014–2015 гг., в %)³

Год	Население, имеющее среднедушевые денежные доходы ниже определенных границ				
	Ниже среднедушевого денежного дохода	Ниже чем:			<i>Справочно: численность населения, имеющего доходы ниже величины прожиточного минимума</i>
		40% от медианы	50% от медианы	60% от медианы	
2014	65,0	11,8	18,5	25,4	11,2
2015	64,9	11,5	18,2	25,2	13,3

Источник: ФСГС РФ (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/bednost/tabl/tab-bed2-7.htm).

Таблица 2

Показатели доходов населения (2014–2015 гг.)⁴

Год	Среднедушевой доход всего населения (руб. в месяц)	Медианный среднедушевой доход (руб. в месяц)	Справочно: соотношение со среднедушевым денежным доходом		Справочно:	
			Медианы, в %	Моды, в %	Величина прожиточного минимума (руб. в месяц)	Соотношение величины прожиточного минимума и среднего дохода (в %)
2014	27766,6	20593,8	74,2	40,8	8050	29,0
2015	30448,1	22729,0	74,6	41,6	9701	31,9

Источник: ФСГС РФ (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/bednost/tabl/tab-bed1-2-6.htm).

Завышение ФСГС РФ медианных доходов приводит и ко многим другим странностям в ее данных, касающихся доходной стратификации, в том числе — к парадоксальной картине сокращения численности низкодоходного населения по итогам первого, самого тяжелого года последнего экономического кризиса (см. табл. 1).

При этом медиана доходов россиян, по данным ФСГС РФ, с 2014 по 2015 г. заметно выросла (на 10%), как, впрочем, и их среднедушевые доходы (см. табл. 2). В то же время, судя по данным исследований Института социологии РАН и РМЭЗ НИУ ВШЭ, в 2015 г. медиана доходов оставалась на том же уровне, что и в 2014 г., и лишь в 2016 г. она увеличилась на тысячу рублей — с 14 до 15 тыс. руб.

Необходимость анализа доходной стратификации не только на основе данных ФСГС РФ, но и социологических исследований связана также с тем, что, во-первых, данные статистической службы страны по доходному распределению появляются со значительным опозданием, а во-вторых, по крайней мере в том виде, как они публикуются, к сожалению, не позволяют построить графические модели доходной

³ ФСГС РФ 2016 г. См. таблицы “Доля населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже границ, установленных на основании фактического уровня денежных доходов населения (среднедушевого, медианного и модального, в целом по России и по субъектам Российской Федерации за 2014 г. (в процентах к общей численности населения)” и “Доля населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже границ, установленных на основании фактического уровня денежных доходов населения (среднедушевого, медианного и модального, в целом по России и по субъектам Российской Федерации за 2015 г. (в процентах к общей численности населения)”.

⁴ ФСГС РФ 2016 г. (а). См. таблицы “Средний, медианный и модальный уровень денежных доходов населения в целом по России и по субъектам Российской Федерации за 2014 год)” и “Средний, медианный и модальный уровень денежных доходов населения в целом по России и по субъектам Российской Федерации за 2015 год)”.

Распределение населения по величине среднедушевых денежных доходов (в %)

Доходы в месяц (в руб.)	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г. ¹⁾
до 5000,0	12,2	9,4	7,3	5,7	4,2	3,3	2,4
от 5000,1 до 7000,0	10,9	9,4	8,1	6,8	5,6	4,8	3,8
от 7000,1 до 9000,0	10,8	9,8	8,9	7,9	6,8	6,1	5,1
от 9000,1 до 12000,0	14,2	13,6	12,9	12,0	10,8	10,0	8,9
от 12000,1 до 15000,0	11,3	11,3	11,3	10,8	10,3	9,9	9,2
от 15000,1 до 20000,0	13,4	14,1	14,6	14,6	14,5	14,4	14,0
от 20000,1 до 25000,0	8,6	9,5	10,2	10,7	11,2	11,4	11,6
от 25000,1 до 30000,0	5,6	6,4	7,1	7,8	8,4	8,8	9,2
от 30000,1 до 35000,0	3,7	4,4	5,0	5,7	6,3	6,7	7,2
от 35000,1 до 40000,0	2,5	3,1	3,6	4,1	4,7	5,1	5,6
от 40000,1 до 50000,0	6,8	3,8	4,5	5,4	6,3	7,0	7,9
от 50000,1 до 60000,0	...	5,2	6,5	3,1	3,8	4,2	4,9
свыше 60000,0	...	...	...	5,4	7,1	8,3	10,2

¹⁾ Предварительные данные, без учета данных по Республике Крым и Севастополю.

Источник: ФСГС РФ (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/bednost/tabl/tab-bed1-2-6.htm).

стратификации, хотя визуализация моделей стратификации — очень эффективный прием их анализа. Так, интервальная шкала доходов, используемая ФСГС РФ, никак не соотносится ни с медианой доходов, ни со страновым прожиточным минимумом (см. табл. 3) и вызывает ряд вопросов. Не вполне понятно, например, почему так резко (более чем на 20% в относительном выражении) выросла за первый год кризиса численность группы со среднедушевыми доходами более 60 тыс. руб. в месяц — судя по социологическим данным, численность данной группы за это время в лучшем случае не сократилась, поскольку именно по относительно высокодоходным слоям рядового населения кризис ударил с точки зрения их номинальных доходов наиболее болезненно [Российское... 2016, гл. 2.1]. Учитывая все вышесказанное, не удивительно, что в своей работе я использовала в основном данные социологических исследований⁵, хотя в отдельных случаях мной привлекались также статистические данные.

Что же касается методов, использованных при построении модели доходной стратификации российского общества, то выбор их можно было осуществлять из двух основных групп — абсолютных и относительных. Абсолютные методы стратифицирования по доходам предполагают, что границы между доходными группами задаются *a priori*, как некая сумма рублей, долларов, евро и т.п. Эти методы, начало которым положило изучение бедности в рамках абсолютного подхода к ней⁶, обычно используются для анализа социальной структуры развивающихся стран и при международных сравнениях этих стран.

Относительные методы, начало которым также положило изучение бедности, но уже в рамках относительного подхода, опираются обычно на то, что основой доходной стратификации должна выступать медиана распределения доходов, отражающая существующий в обществе “усредненный” стандарт жизни. Этот подход используется обычно в развитых странах, где уже нет необходимости говорить о границе бедности как пороге физического выживания человека, и речь идет о прожиточном минимуме как таком уровне доходов, который позволяет поддерживать сложившийся в данном обществе образ жизни, оставаясь благодаря этому в мейнстриме и не пополняя ряды социально исключенных. При этом в качестве границы бедности в развитых странах

⁵ Для большей надежности полученных выводов они перепроверялись мной на массивах данных, собранных в ходе опросов различных исследовательских центров, хотя не вся эта работа отражена в статье.

⁶ Абсолютным этот подход называется потому, что в его основе лежит задаваемая экспертами абсолютная величина — например, размер прожиточного минимума или определенная денежная сумма в долларах по ППС, считающаяся границей бедности.

используется обычно показатель в 50% от медианы доходного распределения (хотя иногда используются и другие версии этого порога – 40%, 60% и даже 79%).

Проверка эффективности наиболее распространенных за рубежом методик, основанных на абсолютном подходе, на двух группах массивов социологических данных⁷ показала, что *абсолютные методы, используемые обычно для анализа социальной структуры развивающихся стран, в России с точки зрения их эвристических возможностей малоэффективны*. Российский прожиточный минимум, рассчитываемый с учетом паритета покупательной способности (ППС)⁸, выше, чем граница среднего класса в развивающихся странах, определяемая в соответствии с методикой Всемирного банка (10 долл. США) [Всемирный банк 2014, с. 32]. При этом доля бедных в определении Всемирного банка в России даже спустя год после начала кризиса была исчезающе мала, а подавляющее большинство населения составляли в тот момент, по его методике, представители среднего класса (см. табл. 4).

Таблица 4

Основные слои российского общества, выделенные по методике Всемирного банка⁹ (осень 2015 г.)

Доходные группы	Среднедушевые доходы в расчете на день, (долл.)	Ежемесячный среднедушевой доход по ППС ¹⁰ , 2015, руб.	Численность группы, РМЭЗ НИУ-ВШЭ, (в %)	Численность группы, ИС РАН (в %)
Бедные	Менее 5	менее 3596	1,5	1,4
Уязвимые ¹¹	От 5 до 10	3596–7191	9,9	9,5
Средний класс	От 10 и выше	более 7191	88,6	89,1

Ситуация, когда в составе среднего класса в России оказывается подавляющее большинство населения, а доля бедных в десять раз меньше, чем оценки ФСГС РФ на тот же период, уже сама по себе настолько абсурдна, что свидетельствует – для нашей страны надо использовать сейчас какие-то иные способы стратификации населения, нежели принятые для развивающихся стран абсолютные методы¹². Единственная альтернатива – применяемые в развитых странах относительные методы доходной

⁷ Проверка проводилась заведующей Центром стратификационных исследований ИСП НИУ ВШЭ С. Мареевой на базах данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ) и ряда исследований рабочей группы Института социологии РАН, выполненных под руководством М. Горшкова.

⁸ Согласно данным Всемирного банка, 1 доллар США был равен в России в 2015 г. 23,97 руб. (<http://data.worldbank.org/indicator/PA.NUS.PRVT.PP?end=2015&locations=RU&start=2014>).

⁹ Использованы данные первой волны Мониторинга Института социологии РАН “Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах”, выполняемого при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00218). Опросы с выборкой в 4000 человек, проводимые в рамках этого исследования, репрезентируют население страны по территориально-экономическим районам согласно районированию ФСГС РФ, а внутри них – по типам поселений, полу, возрасту и профессиональному статусу. Первая волна Мониторинга прошла в октябре 2014 г., а также данные 24 волны Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, проведенной в сентябре–декабре 2015 г. с выборкой 12 667 человек (о выборке и других особенностях этого исследования подробнее см.: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rflms> и <http://www.hse.ru/rflms>).

¹⁰ Использовался ППС в его версии, рассчитываемой Всемирным банком.

¹¹ Эта группа выделяется Всемирным банком на основе повышенных рисков скатиться в бедность, то есть уязвимости к ней.

¹² В других версиях абсолютного подхода в качестве границ бедности предлагаются 1,25 и 2 доллара для разных типов развивающихся стран и 5 долларов для переходных экономик [Ravallion 2010] и т.п., но все эти версии как порог бедности называют показатель не выше, чем 5 долларов, использованный в таблице 4. О причинах отсутствия в России глубокой бедности в контексте межстрановых сравнений подробнее см. [Аникин, Тихонова 2015].

стратификации, в основе которых лежит соотношение доходов тех или иных групп с медианой доходного распределения.

Ключевым вопросом при использовании относительных методов доходной стратификации является вопрос о том, какой процент от медианы надо брать в качестве порогов, разделяющих различные доходные группы. Опираясь на распространенные за рубежом методики выделения границ между слоями, различающимися уровнем своих доходов [Thurow 1987; Birdsall, Graham, Pettinato 2000; Pressman 2007; Pressman, Scott 2009; Atkinson, Brandolini 2013; Chauvel 2013], а также на данные наших исследований¹³, нами были выделены шесть таких порогов и, соответственно, семь основных доходных групп современного российского общества (см. табл. 5).

Таблица 5

Основные слои российского общества в рамках его доходной стратификации
(март 2016 г., в %)¹⁴

Слои	Доходы относительно медианы
Состоятельные	От 4 медианы и более
Обеспеченные	От 2 до 4 медиан включительно
Среднедоходные	От 1,25 медианы до 2 медиан включительно
Медианная группа	От 0,75 до 1,25 медианы включительно
Уязвимые	От 0,5 до 0,75 медианы включительно
Бедные	От 0,25 до 0,5 медианы включительно
Глубокая бедность	До 0,25 медианы включительно
<i>Справочно: медиана (руб.)</i>	<i>15000</i>

Применение выбранной модели стратифицирования населения по доходам на данных 2016 г. позволило построить визуализированную модель структуры российского общества (см. рис. 1).

Как видно из рисунка 1, особенностями модели доходной стратификации российского общества выступают: 1) почти полное отсутствие глубокой бедности, предполагающей доходы не более 25% от медианы доходов (что, с учетом ППС, соответствовало в 2015 г. 4,87 долл.); 2) резко суживающийся низ модели, свидетельствующий о том, что бедность и, тем более, глубокая бедность являются в России отклонением от нормы; 3) очень большая численность представителей уязвимых слоев, для которых вероятность оказаться в числе бедных при ухудшении ситуации в экономике или в семье очень велика; 4) наличие больших “крыльев” (медианной группы), в которых сосредоточена наиболее массовая группа населения; 5) относительно высокий (около 7%) показатель численности обеспеченных и состоятельных слоев (и это без учета не попадающих в массовые опросы верхних 3–5% населения).

В целом же построенная модель позволяет утверждать, что *российское общество выглядит сейчас если и не как “общество массового среднего класса”, то все же относительно благополучно*. В то же время преувеличивать степень благополучия россиян тоже не стоит, учитывая, что уровень медианных доходов (15 тыс. руб.) был в стране в 1 квартале 2016 г. лишь в полтора раза больше, чем размер прожиточного минимума – 9776 руб. (http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d06/116.htm).

Однако, как известно, уровень и стандарты жизни, как и покупательная способность рубля или размер прожиточного минимума, в разных регионах страны очень различны. В этом контексте важно понять, как на общей картине доходной стратификации скажется учет разницы медианных доходов в регионах. Этот вопрос очень важен не только в теоретическом, но и в практическом плане. Ведь человек, определяя свое место в социальной структуре, обычно ориентируется на локальное общество, а не на происходящее за несколько тысяч километров от него, и уровень

¹³ Речь идет о рабочей группе в составе В. Аникин, А. Каравай, Ю. Лежнина, С. Мареева, Е. Слободенюк (руководитель – Н. Тихонова).

¹⁴ Использованы данные третьей волны Мониторинга ИС РАН.

его недовольства своим местом в обществе напрямую связан поэтому со структурой региональных сообществ. А значит, для лучшего понимания структуры российского общества по доходам, наряду с анализом стратификации, основанной на страновой медиане, необходимо проводить также анализ его региональных субструктур, основанный на региональных медианах доходов, а затем посмотреть, насколько в случае агрегирования этих структур подтверждаются полученные на страновом уровне выводы.

Масштаб региональных различий в доходах массовых слоев населения хорошо виден из таблицы 6, где показано, что даже в благополучных в экономическом отношении регионах картина основных характеристик доходной стратификации массовых слоев населения различается довольно сильно. Есть регионы (как, например, Свердловская область, включая Екатеринбург) с более глубокими неравенствами рядового населения по доходам, а есть с менее глубокими (как Нижегородская область, включая сам Нижний Новгород). В одних регионах медиана доходного распределения практически совпадает с общероссийской, а в других (как в Москве и Ростовской области) отклоняется от нее довольно далеко. Доля бедных даже в благополучных регионах различается в разы и т.д. И хотя данные общероссийских социологических исследований не являются репрезентативными для отдельных регионов, все же в каждом случае, упомянутом в таблице 6, речь идет о выборках в несколько сотен человек, так что общее представление о масштабах и характере различий между представленными в ней регионами эти данные обеспечивают.

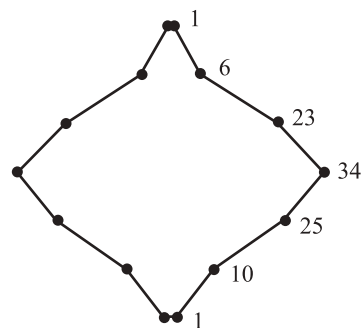


Рис. 1. Модель доходной стратификации российского общества, построенная на основе **страновой медианы** (в %)

Таблица 6

Характеристики доходного распределения в некоторых регионах России
(ИС РАН, октябрь 2015 г., руб.)

Показатели	Москва	Республика Татарстан	Нижегородская обл.	Свердловская обл.	Ростовская обл.
Средний душевой доход в домохозяйствах в месяц	24209,8	17655,9	16267	18921,7	12123,6
Медианный доход в домохозяйствах в месяц	20000	15000	15000	15000	10000
Отношение медианного дохода к среднему	0,826	0,850	0,92	0,79	0,82
Отношения региональной медианы к среднероссийской медиане доходов	1,429	1,07	1,07	1,07	0,71
<i>Справочно: прожиточный минимум по данным ФСГС РФ</i>	<i>12790</i>	<i>7695</i>	<i>8822</i>	<i>9602</i>	<i>9386</i>
<i>доля лиц с доходами ниже прожиточного минимума по данным ФСГС РФ (в %)</i>	<i>9,2</i>	<i>7,6</i>	<i>9,6</i>	<i>9,7</i>	<i>14,1</i>

Отмечу в этой связи также, что для понимания особенностей доходной стратификации российского общества анализ на основе региональных медиан более информативен, чем используемый статистической службой страны анализ соотношения доходов жителей тех или иных регионов с установленным в них прожиточным минимумом. Это связано с тем, что, несмотря на наличие рекомендованной ФСГС РФ единой

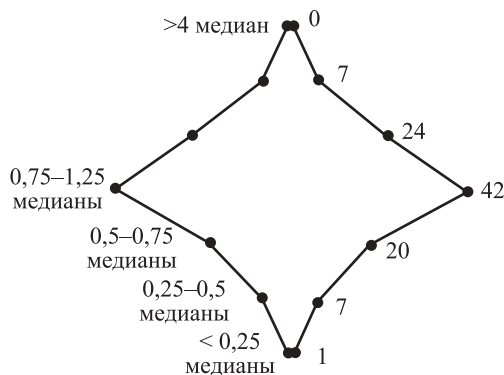


Рис. 2. Модель доходной стратификации российского общества, построенная на основе агрегирования моделей стратификации **региональных** сообществ (ИС РАН, март 2016 г., в %)

0,75–1,25 медианы (вообще же доля бедных, чьи доходы были выше одной медианы доходов в регионах их проживания, составляла в октябре 2015 г. 5,1% всех бедных).

Посмотрим теперь на то, как выглядит визуализация общей модели доходной стратификации российского общества, построенной с учетом региональной медианы. В целом, как свидетельствуют данные, *характерные для России особенности модели доходной стратификации в случае построения ее на основе агрегирования моделей региональной стратификации только усиливаются. При этом доля бедных сокращается, а среднедоходных слоев — растет* (см. рис. 2). Российское общество в этом случае оказывается уже бесспорно обществом массового среднего класса, если, конечно, понимать под ним среднедоходные слои. И хотя уровень жизни этого класса относительно невысок, но, по мировым меркам, он не так уж и низок. Так, судя по данным исследования ISSP¹⁶, в 2012 г. медиана доходов в России в долларах США с учетом ППС была на 17% выше, чем в Венгрии, и на 68% выше, чем в Венесуэле, где ситуация тогда еще была вполне благополучной.

Полученные при анализе агрегированной модели доходной стратификации результаты говорят о том, что население России делится сейчас на три примерно равные группы. Одна, объединяющая бедных и уязвимых россиян, составляла весной 2016 г. чуть более четверти (27,3%) попадающего в выборки массовых опросов населения и может быть охарактеризована как неблагополучная его часть. Вторая (медианная) группа — очень массова, она составляла в тот момент 42,1% граждан нашей страны. Именно эта группа представляет усредненный стандарт жизни российского общества — как видно из таблицы 6, стандарт в целом невысокий, поскольку даже свое питание как хорошее оценивали осенью 2015 г. лишь чуть более четверти данной

методики расчета данного показателя (допускающей, впрочем, определенную вариативность), величина прожиточного минимума в регионах устанавливается скорее в зависимости от финансовых возможностей местной власти, чем в соответствии с реальной стоимостью жизни в них. Так, в близких по стоимости жизни Москве и Петербурге прожиточный минимум различался в 2015 г. в 1,33 раза (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/#). Кроме того, есть регионы, где медианные доходы практически совпадают с прожиточным минимумом или даже ниже него, а есть и такие, где медианные доходы значительно его превосходят. В итоге бедные¹⁵ присутствуют даже в группе с доходами

¹⁵ Для достижения максимальной сопоставимости полученных оценок с данными статистики нами была выбрана методика, приближенная к используемой ФСГС РФ: “черта бедности” рассчитывалась индивидуально для каждого домохозяйства путем суммирования нормативов прожиточных минимумов за II квартал 2015 г. в зависимости от региона проживания домохозяйства и его индивидуального состава (количества детей, пенсионеров и людей трудоспособного возраста в нем). Полученная величина соотносилась с совокупным доходом домохозяйства, который указывался индивидом после суммирования всех источников доходов семьи (зарботной платы, субсидий, помощи со стороны других домохозяйств и прочих, полученных за последний месяц перед опросом). К числу бедных в результате были отнесены все домохозяйства, совокупный доход которых оказался меньше их “черты бедности” (то есть рассчитанного индивидуально для каждого из них совокупного прожиточного минимума).

¹⁶ “International Social Survey Programme” (ISSP) — международное исследование, в котором участвуют около 50 стран. Россия является участником этой исследовательской программы с 1991 г. (подробнее см.: <http://www.issp.org> и <http://www.gesis.org/en/issp/home>).

Некоторые особенности жизни основных слоев российского общества
(ИС РАН, октябрь 2015¹⁷ г. в %)

Располагаемое имущество и самооценки некоторых сторон жизни	Бедные и уязвимые	Медианная группа	Средне- и высоко-доходные слои
Имеют в собственности какую-то недвижимость (земля, дача, гараж и т.п.) помимо квартиры, где проживают	50,1	51,6	53,4
Имеют сбережения	19,8	33,5	46,7
Имеют автомобиль	50,2	59,4	73,5
Имеют планшет, айпад	31,3	36,8	53,8
Имеют айфон, смартфон	33,9	41,2	58,6
<i>Оценивают:</i>			
<i>Свое питание как*:</i>			
хорошее	17,7	26,6	50,4
плохое	16,7	7,2	3,1
<i>Возможность приобрести необходимую одежду и обувь как*:</i>			
хорошую	12,1	19,0	39,2
плохую	22,1	11,4	3,5
<i>Возможности проведения отпуска как*:</i>			
хорошие	10,0	14,7	30,7
плохие	36,7	29,4	20,3

* Формулировка вопроса допускала также ответ “удовлетворительно”, не представленный в таблице.

группы, а 15,7% в ее составе имели доходы менее прожиточного минимума в своем регионе. Но в то же время стандарт жизни этой группы — уже и не стандарт физического выживания, поскольку и по товарам длительного пользования, имеющимся в их домохозяйствах, и по наличию у них в собственности недвижимости или автомобилей медианная доходная группа не может в массе своей рассматриваться как бедная даже по критериям, принятым в развитых странах, поскольку у 76,3% в ней есть или автомобиль, или недвижимость помимо квартиры, в которой проживает семья. И наконец, около трети населения страны составляют представители относительно благополучных слоев, чьи доходы выше страновой медианы распределения доходов, как минимум, на 25%. Имущественные характеристики их домохозяйств говорят при этом, что, несмотря на традиционный для российского населения скепсис в оценках отдельных сторон своего материального положения, реально это действительно вполне благополучная часть общества.

До сих пор речь шла о том, как выглядели осенью 2015 г. — весной 2016 г. модель доходной стратификации российского общества и некоторые особенности жизни представителей разных составляющих ее слоев. Однако, учитывая затяжной экономический кризис, в котором все еще продолжает находиться Россия, естественен вопрос — а как выглядела доходная стратификация российского общества до начавшейся в 2014 г. экономической стагнации? Что изменилось в ней под влиянием кризиса и насколько она устойчива?

Отвечая на эти вопросы, прежде всего надо отметить, что сложившаяся в стране модель доходной стратификации оказалась очень устойчивой к ситуации экономического кризиса. Ее общие контуры перед началом кризиса и по итогам его наиболее острой фазы практически полностью совпали (см. рис. 3). При этом уровень реальных доходов различных слоев населения за это время, естественно, упал, но падение это

¹⁷ Использованы данные третьей волны Мониторинга ИС РАН.

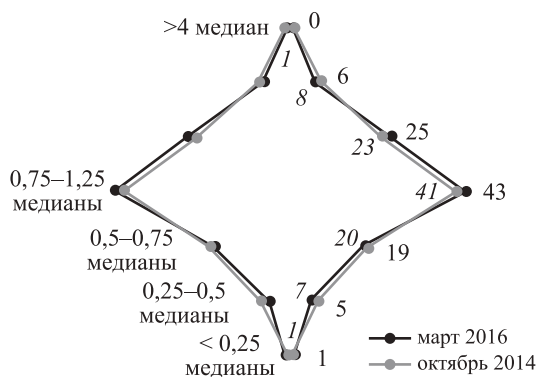


Рис. 3. Динамика модели доходной стратификации российского общества, построенной на основе агрегирования моделей стратификации региональных сообществ (ИС РАН, октябрь 2014 – март 2016 гг., в %)

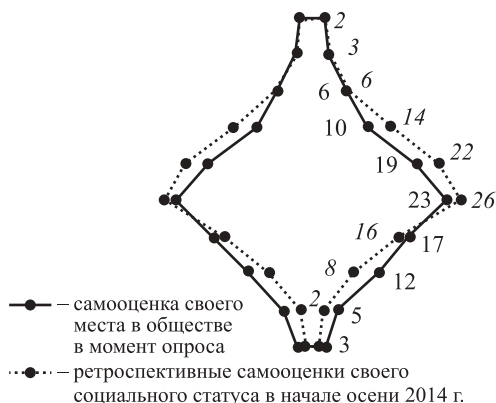


Рис. 4. Динамика модели субъективной структуры российского общества, построенной на основе самооценок россиянами своего места в обществе (ИС РАН, октябрь 2015 г., в %)

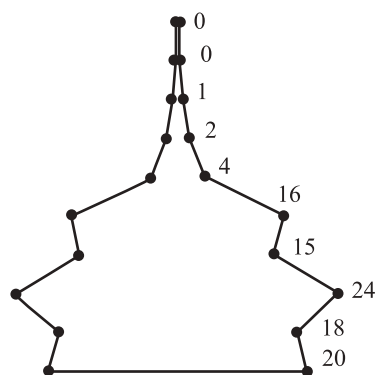


Рис. 5. Модель субъективной структуры российского общества, построенная на основе самооценок россиянами своего места в обществе (ИС РАН, март 2000 г., в %)¹⁹

было в массовых слоях населения пропорциональным и не изменило саму модель доходной стратификации в России.

Такая ситуация с динамикой доходной стратификации во многом объясняет спокойную реакцию россиян на кризис — у большинства населения нет ощущения сколько-нибудь существенного изменения собственного положения в обществе (см. рис. 4)¹⁸. Это важно, так как связь между доходной стратификацией и самооценкой своего статуса у россиян традиционно выражена довольно сильно как в плане показателей статистической связи этих переменных (коэффициент Спирмена 0,282), так и в плане самооценок населением факторов определения собственного статуса [Тихонова 2014, с. 65].

Столь благополучной картина самооценок российским населением своего статуса бывает далеко не всегда. На рисунке 5 видно, например, как выглядели эти самооценки по итогам кризиса 1998–1999 гг. Тогда основная часть населения, несмотря на начинавшийся в стране экономический подъем, ощущала себя представителями социальных низов, а не средних слоев, как в 2016 г.

В целом вполне удовлетворительно выглядела в плане самоощущения россиянами своего места в социальной иерархии в разгар кризиса и его картина в отдельных социальных слоях. И хотя, как свидетельствуют ответы представителей средне- и высокодоходных слоев, их представители чаще удовлетворены своим статусом, чем бедные и уязвимые, даже среди бедных спустя год после начала кризиса чаще можно было встретить тех, кто были довольны своим местом в обществе, чем тех, кто были им недовольны (см. рис. 6). Это значит, что модель доходной стратификации России, во

¹⁸ Для оценки своего места в обществе в момент опроса и перед началом экономического кризиса использовались графические 10-балльные шкалы, активно применяемые для построения моделей субъективной стратификации и в России, и за рубежом.

¹⁹ Данные проводившегося рабочей группой под руководством М. Горшкова исследования “Россияне о судьбах России в XX-м веке и своих надеждах на XXI-й век” (n = 1750) с той же моделью выборки, что и Мониторинг ИС РАН 2014–2016 гг.

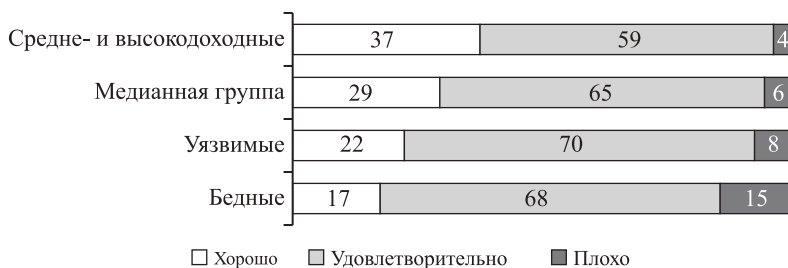


Рис. 6. Самооценка представителями различных слоев своего места в обществе (ИС РАН, октябрь 2015 г., в %)

многом определяющая и ее социальную структуру в целом, и настроения людей, не просто уже сложилась и очень устойчива, но и воспринимается населением страны (если говорить о ее соответствии реальным ожиданиям граждан по отношению лично к ним) как вполне приемлемая. И если никаких резких изменений в положении отдельных групп в ближайшее время не произойдет, то россияне будут достаточно спокойно воспринимать “плавающую” ситуацию со своими доходами — ведь для них важен не только и зачастую даже не столько размер этих доходов сам по себе, сколько возможность “жить не хуже других”.

* * *

Подводя итоги, еще раз подчеркнем главное:

1. Анализ доходной стратификации не менее информативен и важен для понимания структурирования общества, чем анализ иных версий моделей социальной структуры (классовой, профессиональной и т.д.). Применительно к России такой анализ показывает, что, во-первых, наша страна ушла очень далеко от того состояния, когда бедность трактуется как угроза физическому выживанию. Применительно к российскому обществу надо говорить сейчас о бедных скорее как о людях, для которых невозможно поддерживать некий социальный стандарт жизни, принятый в сообществе. И хотя этот стандарт, наиболее ярким выразителем которого выступает медианная группа, относительно невысок и заметно различается в разных регионах страны, говорить о нем как о стандарте выживания уже не приходится. Это значит, что, вопреки расхожим мифам о бедности как норме жизни российского населения, социальная структура России, рассматриваемая через призму доходной стратификации, — вполне нормальная структура с сосредоточенностью наибольшей части общества в группе с медианными доходами, более чем в полтора раза превышающими прожиточный минимум, сокращающимся по мере углубления бедности числом бедных и довольно большой группой средне- и высокодоходного населения.

2. В методологическом и методическом плане это означает, что оптимальные методики построения стратификационных моделей следует искать среди относительных методов, используемых в развитых странах, а не абсолютных, как это принято при анализе ситуации в развивающихся странах. Кроме того, если говорить об углубленном анализе доходной стратификации российского общества, то нужно помнить о его региональной неоднородности, а следовательно, корректнее использовать агрегированные модели стратификации на основе предварительной стратификации региональных сообществ, а не модели на основе страновой медианы. Что же касается баз данных для такого анализа, то, несмотря на наличие большого объема статистических данных в этой области, их целесообразно дополнять данными социологических опросов, позволяющими увидеть картину доходной стратификации населения под несколько иным углом зрения.

3. Динамика модели доходной стратификации в России позволяет утверждать, что эта модель уже сформировалась и характеризуется высокой степенью устойчивости. Последний экономический кризис, начавшийся в 2014 г., практически никак не сказался на параметрах этой модели, и пропорции различных составляющих ее групп и слоев остались прежними. Более того, поскольку для россиян очень важно “жить как все”, а кризис достаточно равномерно ударил по всем слоям населения, то и в самоощущении россиянами своего места в обществе последний кризис также ничего всерьез не поменял. Модель субъективной структуры общества очень похожа при ее визуализации на модель его доходной стратификации, а удовлетворенность россиян своим положением в обществе даже в разгар кризиса оставалась достаточно высокой. Это значит, что ни статусной фрустрации, ни характерного для нее острого недовольства своей жизнью, если не произойдет никаких глобальных катаклизмов, со стороны населения в целом и даже бедных и уязвимых его слоев ждать в ближайшее время не приходится.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аникин В.А., Тихонова Н.Е. (2015) Бедность в России на фоне других стран // Мир России. № 4. С. 59–95.

Всемирный банк. Представительство в России. Доклад об экономике России. (2014) № 31 (http://www-wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/WDSP/IB/2014/04/30/000442464_20140430131036/Rendered/PDF/866400RUSSIAN0Box385189B00PUBLIC0.pdf).

Российское общество и вызовы времени. Книга третья (2016) под ред. М.К Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2016.

Тихонова Н.Е. (2014) Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф.

Atkinson A., Brandolini A. (2013) On the identification of the middle class // J. Gornick & M. Jäntti (Eds.), *Income inequality: economic disparities and the middle class in affluent countries*. Stanford, California: Stanford University Press. Pp. 77–100.

Birdsall N., Graham C., Pettinato S. (2000) Stuck in tunnel: Is globalization muddling the middle? Center on Social and Economic Dynamics Working Paper, 14.

Chauvel L. (2013) Welfare Regimes, Cohorts and the Middle Classes // J. Gornick & M. Jäntti (Eds.), *Income inequality: economic disparities and the middle class in affluent countries* (pp. 115–141). Stanford, California: Stanford University Press.

Pressman S. (2007) The decline of the middle class: an international perspective // *Journal of Economic Issues*. Vol. 41. № 1. Pp. 181–200.

Pressman S., Scott R.H. (2009) Who are the debt poor? // *Journal of Economic Issues*. Vol. 43. № 2. Pp. 423–432.

Ravallion M. (2010) The developing world's bulging (but vulnerable) middle class // *World development*. Vol. 38. № 4. Pp. 445–454.

Thurow L.C. (1987). A surge in inequality // *Scientific American*. Vol. 256. № 5. P. 30.

Income Stratification in Russia: Model Specifics and Vector of Dynamics

N. TIKHONOVA*

**Tikhonova Nataliya – Doctor of Sociological Sciences; Leading Researcher, Centre for Stratification Studies, Institute of Social Policy, National Research University Higher School of Economics (20, Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation); Leading Researcher, Institute of Sociology RAS (24/35, 5, Krzhizhanivskogo str., Moscow, 109544, Russian Federation); ntikhonova@hse.ru*

Abstract

In the article which is part of a block of two articles results of analysis of characteristics and dynamics of income and subjective stratification models of Russian society are presented, based on data from several nationwide surveys carried out in 1999–2016. It is shown that the current model of income stratification is characterized by the dominance of the middle strata and is adequately reflected in public consciousness, based on the self-assessment of the positions people hold in the society. Economic crisis that started in 2014 so far did not cause any serious changes in the income stratification model or the assessment of their positions in society by Russians. As for the methodological results of the analysis, it is shown that the optimal methods for income stratification of Russian society should be found among the relative methods used in developed countries, but not among the absolute methods used in developing countries. In addition, given Russia's regional heterogeneity in terms of modernization progress, it is more expedient to use the aggregate model of income stratification constructed on the basis of pre-stratification of regional communities than models based on the average measures for the country as a whole for the analysis of the social structure.

Keywords: social structure, stratification, impact of crisis, income, subjective stratification, social status.

REFERENCES

- Anikin V.A., Tihonova N.E. (2015) Bednost v Rossii na fone drugih stran [Poverty in Russia compared to other countries]. *Mir Rossii*, no. 4, pp. 59–95.
- Atkinson A., Brandolini A. (2013) On the identification of the middle class. *Income inequality: economic disparities and the middle class in affluent countries*. Stanford, California: Stanford Univ. Press, pp. 77–100.
- Birdsall N., Graham C., Pettinato S. (2000) *Stuck in tunnel: Is globalization muddling the middle?* Center on Social and Economic Dynamics Working Paper, 14.
- Chauvel L. (2013) Welfare Regimes, Cohorts and the Middle Classes. *Income inequality: economic disparities and the middle class in affluent countries*. Stanford, California: Stanford Univ. Press, pp. 115–141.
- Pressman S. (2007) The decline of the middle class: an international perspective. *Journal of Economic Issues*, vol. 41, no. 1, pp. 181–200.
- Pressman S., Scott R.H. (2009) Who are the debt poor? *Journal of Economic Issues*, vol. 43, no. 2, pp. 423–432.
- Ravallion M. (2010) The developing world's bulging (but vulnerable) middle class. *World development*, vol. 38, no. 4, pp. 445–454.
- Rossiyskoe obschestvo i vizovi vremeni. *Kniga tretya* (2016) pod red. M.K. Gorshkova, N.E. Tihonovoy [Russian society and the challenges of the time. Book Three]. Moscow: Ves' Mir.
- Tikhonova N.E. (2014) *Socialnaya struktura Rossii: teorii i realnost* [Russia's social structure: the theory and the reality]. Moscow: Noviy hronograf.
- Thurow L.C. (1987) A surge in inequality. *Scientific American*, vol. 256, no. 5, p. 30.
- Vsemirniy bank. Predstavitelstvo v Rossii. Doklad ob ekonomike Rossii. (2014) No. 31 [The World Bank. Representation in Russia. Russian Economic Report]. (http://www-wds.worldbank.org/external/default/WDSPContentServer/WDSP/IB/2014/04/30/000442464_20140430131036/Rendered/PDF/866400RUSSIAN0Box385189B00PUBLIC0.pdf).